

УДК 1
ББК 87.6

Глушко Ирина Васильевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры истории, философии и политологии ФГОУ ВПО «Азово-Черноморская государственная агроинженерная академия»
тел.: (951) 497-98-45

Диалектика доверия и согласия в социальном дискурсе

Аннотация:

В статье рассматривается вопрос о фундаментальных основаниях доверия, к числу которых относится согласие и понимание. Речь идет о том, как соотносятся эти феномены в философском, социологическом понимании, а также в социальных практиках.

Ключевые слова: доверие, согласие, понимание, социальные практики.

Изучение социального доверия было инициировано социальным заказом сравнительно недавно, в начале 90-х гг. XX в., и трактовка этого понятия в научной литературе неоднозначна. Под термином «доверие» понимаются самые различные социокультурные и психологические феномены. Среди них – достоверность и вера; уверенность и убежденность; согласование, сотрудничество и соработничество; дружба и содружество; расчет, связанный с риском; предсказуемость, предположение и предрасположенность; понимание и согласие; интуиция, наитие и предчувствие, и т.д. Более того, все эти феномены человеческого бытия также дифференцируются по различным критериям. С. Франк, например, разводил веру-доверие и веру-достоверность, полагая первое свидетельством секулярности нашего бытия, а второе – сакральной его сферы. Этимологически «питать доверие» (в латинском языке – *credo*) означает «сердце даю» или «сердце кладу». Это говорит о том, что доверие принадлежит к числу фундаментальных состояний человека. Будучи у всех на слуху, вроде бы понятный на уровне здравого смысла, феномен доверия лежит в основе социальных связей между людьми.

Доверие имеет разную природу, личностные и социальные смыслы. Определить, что конкретно значит доверие, довольно сложно. Каждый человек имеет свое определение этого понятия, и часто не единственное. Необходимость доверия при любой деловой операции очевидна, но еще важнее доверие в межличностном и межкультурном общении. Если ради защиты от коммерческой ошибки или при нарушении контракта можно обратиться в суд, то при отсутствии доверия исчезают все возможности общения между людьми и культурами. Таким образом, чувство справедливости может породить дух доверия. Доверяя, легко быть справедливым на деле. Как отметил академик С.П. Капица, «человек достоин доверия лишь тогда, когда доверяет сам» [1]. В повседневности часто говорят о формальном доверии, которое часто синонимизируется с простым человеческим уважением, и о так называемом полном доверии, предполагающем любовь в разных ее проявлениях.

Поэтому доверительные отношения также имеют свои основания. Таковыми можно считать понимание и согласие. Понимание, согласие и доверие – это фундамент, на котором строится здание социальных отношений.

Феномен «согласие» здесь интересен с точки зрения его соотношения с феноменом «доверие». М.Г. Алиев пишет, что в философском аспекте согласие (несогласие) «выступает таким мировоззренческим и нравственным универсалией, предельно общей культурной формой, которая понимается не в узком смысле как коренное свойство малой социальной группы, а такое общее свойство универсума, которое является объективным атрибутом всех сфер природы, общества и человека, проявляющееся в

единстве и противоположности с конфликтом, противостоянием и столкновением противодействующих сил» [2].

Во взаимодействии с другими людьми мы постоянно сталкиваемся с данной «предельно общей культурной формой». Тонкую грань между доверием и согласием подчеркивали еще древние мыслители. Так, известен афоризм Лао-цзы: «Легко достигнутое согласие не заслуживает доверия». Каждый из нас не раз бывал в ситуации, когда очень сложно выразить согласие, даже если разум подсказывает, что сделать это необходимо и правильно. Очень силен бывает дух противоречия, мешающий росту наших дел и развитию личности в целом (вспомним цитату из И.А. Крылова: «Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет»).

Исследователь данной проблемы М.Г. Алиев считает, что до последних лет согласие не являлось предметом специальных исследований. Оно признавалось чем-то общеизвестным, не требующим специальных исследований. Между тем согласие – широко распространенное явление как объективной, так и субъективной реальностей. Автор рассматривает социальное согласие как универсальное мировоззренческое понятие, которое прежде не осознавалось в подобном качестве, хотя функционировало во всем социальном и природном опыте человека и общества, в их взаимодействии. Согласие, по мнению М. Алиева, – это такая «предельно общая культурная форма», которая всегда проявляется «в единстве и противоположности с конфликтом, противостоянием и столкновением противодействующих сил» [3].

Идея согласия возникла еще в античной философии, изначальное употребление термина «консенсус» принадлежит Цицерону (лат. consensus – согласие, единодушие). Свое весьма значительное место эта идея получила в трудах социальных философов XVIII в., разрабатывающих концепцию антропосоциогенеза, раскрывающих сложную взаимосвязь природного и социального в человеке, связь между его телом и душой, чувствами и разумом.

Так, Г. Гегель считал, что стремление человека «к согласованию внешнего со своими внутренними определениями» содержится уже в природе человека: «идя на согласование их, человек не совершает над собой насилие». В этом согласовании он должен «привести свою единичность в соответствие со своей разумной стороной, сделать последнюю господствующей». Так что реализация «согласования внешнего с внутренним», материальных интересов с духовными, внешних обстоятельств жизнедеятельности с идеальным воспринимается человеком как необходимость, в осознании которой он приходит к свободе и реализации свободы. Более того, по Гегелю, согласование материального с духовным, включающее и согласование духовного с материальным, предоставляет человеку удовольствие [4, т. 2, с. 61–62].

Т. Гоббс писал, что для сохранения мира между людьми, каждый из которых заботится о себе, необходимо достижение «согласия большинства». Этим «согласием большинства» является не что иное, как «общество, созданное только ради взаимной помощи» [5, т. 2, с. 99]. Важнейшая заслуга в осмыслении универсальности понятия «согласие» принадлежит О. Контю. Он исходил из этической заданности природы и считал принцип альтруизма позитивным знанием, отражающим взаимопомощь как свойство природы. Но подход О. Конта к согласию как системообразующей основе общества не получил прямого продолжения в социологии.

Проблема социального согласия исследовалась в неразрывной взаимосвязи с проблемами социальной солидарности, порядка и прогресса такими представителями социологической мысли, как М. Вебер, Э. Дюркгейм, Н. Кареев, М. Ковалевский, Ф. Знанецкий, П. Кропоткин, П. Лавров, Т. Лукман, Н. Михайловский, П. Новгородцев, Е. де Роберти, П. Сорокин. Социальное согласие при исследовании социальных конфликтов рассматривалось Г. Зиммелем, А. Зайцевым, А. Здравомысловым, Р. Дарендорфом, Л. Козером. Тема социального согласия в межличностном общении людей, находящихся в коллективе, была объектом исследований Р. Парка и Э. Берджесса. Развивая идею согласия как фактора межличностного поведения, Т. Ньюком дает одно из немногих определений понятия «согласие» в мировой социологической мысли: согласие – это существование между двумя и более личностями сходных ориентации по

отношению к чему-нибудь, при этом ориентация у него выступает в качестве эквивалента понятия «отношение» в самом широком смысле [6].

Согласие связано с пониманием. У В. Даля «понимать» означает «постигать умом, познавать, разуметь, уразумевать, обнять смыслом, разумом; находить в чем смысл, толк, видеть причину и последствия» [7]. В русской философской традиции – различать несколько уровней понимания. Так, А.С. Хомяков отмечал первый основной уровень понимания – соборно-феноменологический, где человек эмоционально жизнетворит в глубинах Универсального Понимания и инвариантной ему соборности. Истинно философский путь к Универсальному Пониманию – это путь жизнетворной духовно-целостной веры. И происходит он в сфере самой Тайны, которая постоянно присутствует в иррациональной психике человека. Сугубо человеческий вариант Тайны А.С. Хомяков назвал соборностью, определяя ее как спонтанное духовно-целостное самопонимание человека, интегрирующее в себе архетипические ценности и вековые традиции, и на этой основе ориентирующее людей на всечеловеческое единение. Проникнув в сознание, соборные смыслы порождают второй основной уровень понимания – рационалистический, отчужденный от этих смыслов, но такой же универсальный, как Тайна и соборность. Третьим уровнем понимания является эмпиризм, который отчужден не только от соборных смыслов, но и от универсальности жизнетворения. Исходя из принципа трехуровневости человеческого понимания, в философии выделяются три органически взаимосвязанные сферы (онтологические реальности): соборно-феноменологическая (субъектная), рационалистическая (субъект-объектная) и эмпирическая (объектная) [8].

В философской герменевтике (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, Э. Гуссерль, Г. Гадамер) понимание трактовалось сродни интуитивному проникновению в жизнь, выделялось понимание собственного внутреннего мира – оно достигается путем интроспекции (самонаблюдения, рефлексии) и понимание внешнего, «чужого» мира – оно достигается путем «вживания», «вчувствования», «сопереживания», направленного на окружающей индивида внешний мир.

Серьезная герменевтическая интерпретация понимания дана в работах Г.Г. Шпета. Понимание, согласно Г.Г. Шпету, осуществляется как раз на грани двух областей – рассудка и разума. Рассудок характеризуется им как формальные схемы, классификация, «декартовы координаты» мира. Разум же оживляет эти схемы, наполняя их действительностью, придает динамичность этой упорядоченности. Другими словами, размывает жесткие границы, установленные рассудком. Понимание для Шпета – это индивидуальный, сознательный акт, состоящий из потока переживаний (разум), направленных на общее мира, на те самые формальные схемы и классификацию (рассудок). Таким образом, понимание должно состояться как переживание этого общего, этой схемы, логической характеристики предмета, его смысла. В своей работе «Герменевтика и ее проблемы» Шпет рассматривает различные виды употребления термина «понимание» (внутренняя жизнь, душевные переживания, природа) и доказывает, что данный термин в этих случаях употребляется в переносном смысле. Психологическая интерпретация не является понимающей деятельностью, относящейся к сфере деятельности разума по поводу раскрытия смысла, а есть субъективно-психологическое проникновение, так называемое «вчувствование» [9]. Согласно Шпету, интерпретировать можно только знаки, которые выражают определенный смысл. Симпатическое же понимание («вчувствование»), по мнению Шпета, есть «понимание без понимания», так как понимание в собственном смысле слова есть постижение смысла, относится к сфере со-мышления и возникает в ситуации со-общения. Тут же, по мнению исследователя Д.В. Солдатовой, обнаруживается параллель в отношениях Разум–Рассудок / Я–Другой, где Я – это наполненность жизнью, действительность, а Другой – лишь схема, некоторые координаты. И понимание может обнаружиться лишь в синтезе, на грани первого и второго, для чего необходимо «вдохнуть жизнь» и в схему, и в координаты, в Другого [10].

Взаимопонимание как феномен повседневного порядка, как интересубъективный процесс, является объектом социологического исследования. В частности, его де-

тально исследовал А. Шюц, который полагал, что между индивидами устанавливается единое коммуникационное поле, основанное, по крайней мере, на двух фундаментальных постулатах (идеализациях), которые принимаются индивидами как естественные установки: 1) взаимозаменяемости точек зрения (мы не сомневаемся в том, что воспринимаем мир так же, как другие, с которыми мы общаемся в повседневной жизни, причем, таким образом, что, если я поменяюсь местами с ними, я буду находиться на том же расстоянии от предметов и видеть их в той же типичности, что и они); 2) совпадение систем релевантностей (Я и любой другой индивид принимаем на веру то, что при осуществлении практических целей мы вполне можем пренебречь различиями в оценках значимости тех или иных фрагментов повседневного опыта, обусловленных уникальностью моей и его биографических ситуаций, что позволяет интерпретировать мир одинаковым образом). Благодаря этим постулатам люди не только способны друг друга понимать, но и совместно конституировать общий для них социальный порядок [11].

При более детальном анализе можно выделить различные стороны доверительного поведения взаимодействующих индивидов – эмоциональные, когнитивные, прагматические, символические и т.д. Однако в данном случае важно подчеркнуть не только возможность компромисса и согласования частных интересов, но и потенциальную гармонизацию общественных отношений, что требует уже не столько социологического и культурологического анализа, сколько философского.

Появляется необходимость в «философии доверия», определяющей принципиальные предпосылки возможности подобного рода отношений между людьми. А это, в свою очередь, выводит на онтологическую проблему оснований доверия и недоверия: являются ли эти феномены первичными и укорененными в структуре человеческой экзистенции или же они являются производными от более глубоких инстинктов (потребностей)? Видимо, исходя из этого, немецкий философ О. Больнов считал, что доверие – это ключ к решению проблемы экзистенциализма, выработка доверия к жизни или бытию создает перспективы выхода из кризиса современности: «Доверие к бытию является предварительным условием для всякой человеческой жизни. Потеря его неизбежно ведет к отчаянию и к отрицательным экзистенциальным переживаниям» [12, с. 140].

Глубинными основаниями доверительных отношений между людьми является повторяемость определенных действий как ответ на некую потребность, и соответствующих определенным нормам и правилам. Это позволяет понимать доверие как некий универсальный социальный институт, существующий в течение всей истории человеческого общества.

В социальных практиках «доверие» и «согласие» часто понимаются как синонимы, например, читаем: «Политическое согласие или просто согласие – основная характеристика гражданского мира и доверия в государстве или между государствами» [13].

Поэтому доверие – начало пути к согласию. Без доверия нет согласия. Как образно выразился исследователь В. Райков, «...силы согласия проявляют себя в скрытом душевно-духовном пространстве доверия, куда проникает только стихающий отзвук явной символики знания...» [14].

В. Даль дает следующее определение согласия: «одномыслие, одинаковые с кем-то мысли или чувства, намерения, убеждения; состояние многих, согласившихся на что-либо общее». Приставка «со» означает объединение или совместное действие. «Глас», по Далю, – это голос, взывания, звук, шум. Даль приводит словосочетания «глас народа», «глас Божий». Для слова «гласить» мы находим значения «издавать слова, вещать», то есть обмениваться друг с другом понятиями, совместно пользоваться ими [15].

В современном толковом словаре русского языка Т. Ефремовой встречается разнообразие трактовок данного термина: 1. Утвердительный ответ на что-л.; позволение, разрешение. 2. Соглашение, взаимная договоренность. 3. Общность взглядов, мнений и т.п.; единомыслие, единомышленники. 4. Взаимная дружба, мирные дружественные

отношения. 5. Согласованность... [16]. Как мы можем заметить, все эти трактовки связаны с процессом общения.

Исследователь О.Н. Морозова, подчеркивая коммуникативную характеристику понятия «согласие», выделяет в его различных определениях следующие общие признаки: «нацеленность собеседников на результат действия», «достижение результата совместными усилиями, с совместного одобрения», «результат общения как реализация совместной цели его участников», «равноположенность в речевых действиях каждого участника и ориентирование в своих требованиях на посильные обстоятельства, то есть на единство условий и единство тематического пространства», «управление речевыми действиями» или «регулятивность», «соразмерность, установление соответствия, взаимного соответствия частей целого, симметрии, или пропорциональности, гармонии», «удобный глазу подбор, удобное уху сочетание», то есть признак, ориентированный на «нормы и конвенции вербального и невербального поведения», и делает вывод, что выделенные признаки прямо или опосредованно способны также определять и объем самого понятия «согласованная коммуникация» [17].

Однако прежде чем достичь согласия с другим, необходимо согласие с самим собой, то есть так называемое «внутреннее согласие». Внутреннее согласие является основой «внешнего согласия» – согласия с другими людьми. Как отмечают психологи, «начинается согласие с обретением доверия к самому себе, или внутреннего согласия со своими чувствами. Быть в согласии с собой – высшая форма познания самого себя. Условием согласия с самим собой является душевный покой человека. Когда есть душевный покой, есть и согласие. Душевный покой предполагает доверие к себе [18].

На наш взгляд, показательной является специальная понятийная и лексическая (терминологическая) проработка нравственной проблематики соотношения добра и зла, представленная в работах русского философа И.А. Ильина. В борьбе со злом Ильин предлагает целую последовательность действий: «неодобрение, несочувствие, огорчение, выговор, осуждение, отказ в содействии, протест, обличение, требование, настойчивость, психическое понуждение, причинение психических страданий, строгость, суровость, негодование, гнев, разрыв в общении, бойкот, физическое понуждение, отвращение, неуважение, невозможность войти в положение, пресечение, безжалостность, казнь» [19, с. 34, 35, 122]. Такая четкая проработка базовых понятий позволяет нам выделить в этом терминологическом ряду понятия, близкие доверию. И здесь мы снова возвращаемся к диалектическим сюжетам доверия, согласия, понимания (принятия, одобрения, сочувствия, уважения, тяги к общению и др.). Добро, и только оно, оправдывает себя и вызывает доверие к себе, основанное на согласии и понимании, которые здесь осмысливаются как нравственные категории.

Особенности согласия в социальном дискурсе – проблема, интересующая многих исследователей современных социальных коммуникаций. Так, исследователь Е.Ф. Коханов делает попытку определить популярный термин «паблик рилейшнз» как феномен социального доверия и согласия: «паблик рилейшнз» – управление путем выявления зон совмещения и создания условий для согласования интересов. Это такой способ достижения целей, при котором субъекты управления существуют не как разнополюсные, разделенные субстанции, но как взаимозависимые субъекты общественных отношений, равно заинтересованные друг в друге и находящие «момент согласования интересов» как внутренний императив своего существования, своего успеха. Важно отметить, что в определении задействованы такие компоненты согласия, как доверие, имидж, авторитетность, репутация и т.п. Сама сущность «паблик рилейшнз» и состоит в том, чтобы изыскать пути для завоевания этого доверия. Опираясь на понятия доверия, «доверительными отношениями с общественностью», большинство специалистов «паблик рилейшнз» ограничиваются описаниями лишь с наиболее ярко проявленными феноменологическими характеристиками, выступающими как фоновое условие существования других социально-психологических явлений, таких как сотрудничество, репутация, авторитетность (корни, например, последнего, как известно: компетентность, деловитость, преданность, коммуникабельность и т.д.) [20].

Итак, мы выяснили, что глубинными основаниями доверительных отношений между людьми является повторяемость определенных действий как ответ на некую потребность, и соответствующих определенным нормам и правилам. Начало доверительности полагает формальное доверие, синонимом которого является простое человеческое уважение, и так называемое полное доверие, предполагающее любовь в разных ее проявлениях. Оба эти начала основаны на понимании и согласии как глубинных внутренних основаниях доверия, однако в социальных практиках эти понятия часто синонимичны. Это позволяет понимать доверие как некий универсальный социальный институт, существующий в течение всей истории человеческого общества.

Ссылки:

1. Капица С. Достоин доверия тот, кто доверяет сам. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/ZIVIL-5.htm>.
2. Алиев М.Г. *Согласие как проблема социальной философии: автореф. дис. ... д-ра филос. наук.* М., 2000.
3. Там же.
4. Гегель Г.В. *Работы разных лет.* М., 1971.
5. Гоббс Т. *Левиафан* // Гоббс Т. Соч. М., 1991.
6. Ньюком Т. *Исследование согласия* // *Социология сегодня.* М., 1965.
7. Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка* // М., 1989.
8. Холодный В.И. *Философия как культура универсального понимания.* URL: <http://www.congress2008.dialog21.ru>. (дата обращения: 23.02.2010).
9. Шпет Г.Г. *Герменевтика и ее проблемы.* М., 1989.
10. Солдатова Д.В. *Вариация на тему: Г.Г. Шпет о понимании.* URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/18825>. (дата обращения: 23.04.2010).
11. Павлов А. *Социальные проблемы коммуникативного порядка.* URL: <http://arctogaia.krasu.ru/laboratory/pavlov/soc.shtm>. (дата обращения: 7.02.2010).
12. Больнов О.Ф. *Новая укрытость. Проблема преодоления экзистенциализма. Введение* // *Философская мысль.* 2001. № 2.
13. Дацюк С. *Согласие.* URL: www.uis.kiev.ua/.../accordance.html.
14. Райков А.Н. *Виртуальное пространство доверия* // *Информационное общество.* 2006. № 5/6. С. 124–129.
15. Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка* // М., 1989.
16. *Новый толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой.* М., 1995.
17. Морозова О.Н. *Объем содержательных характеристик концепта «согласие» в диалогической интеракции* О.Н. Морозова. URL: http://tverlingua.by.ru/archive/003/moroz_03_3_1.htm.
18. Виилма Л. *В согласии с собой.* М., 2006
19. Ильин И.А. *О сопротивлении злу силой* // Ильин И.А. *Путь к очевидности.* М., 1993.
20. Коханов Е.Ф. *«Паблик рилейшнз» как феномен доверия* // *Менеджмент в России и за рубежом.* 1999. № 1.